

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВА

ЗОЛТЫЕ
СТРЕЛЫ

КЕМЕРОВО

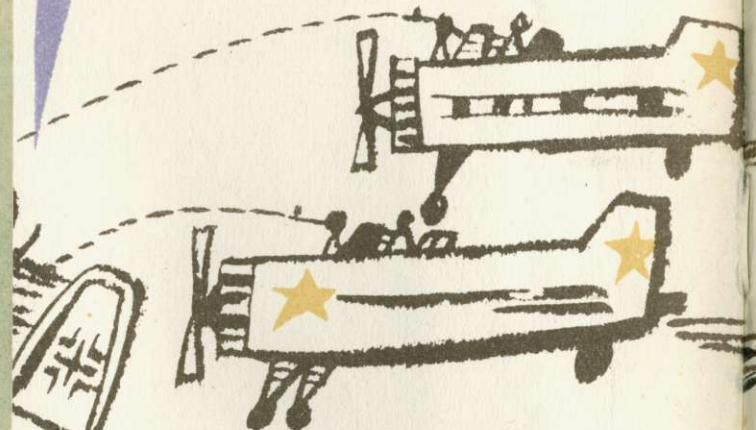
1974

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

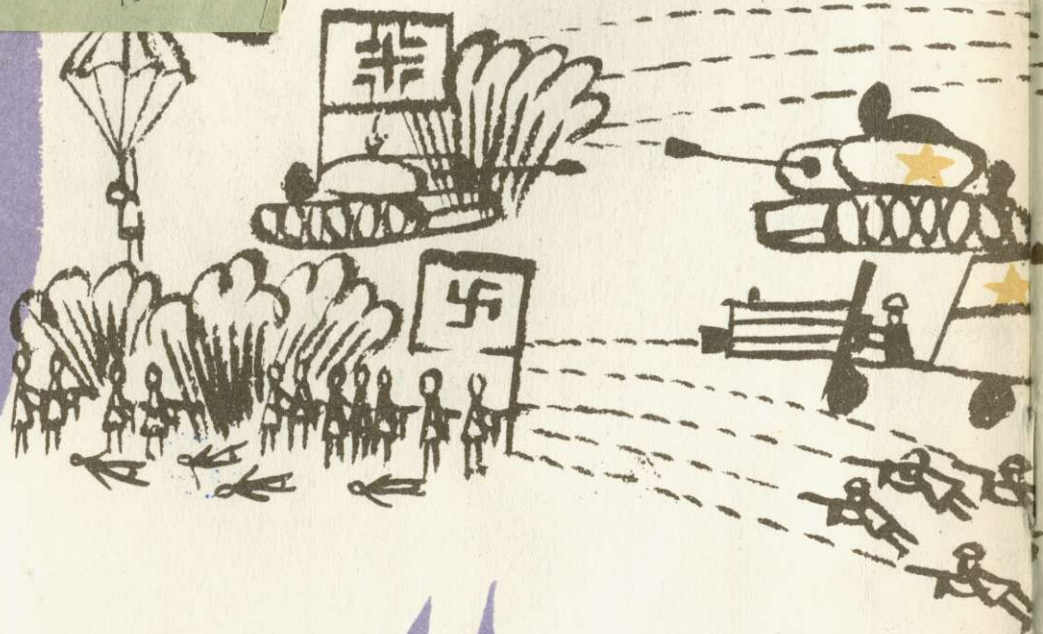
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

941 941
551
2010,
22.04 - 21.11

РИСУНКИ В. БЕЛЯЕВА

ЛЮДМИЛА ЯКОВЛЕВА

ЗОЛОТЫЕ СТРЕЛЫ

ПОВЕСТЬ

72857
Тайгическая
библиотека

АБ МУ "ЦБС
Тайги"

КЕМЕРОВСКОЕ КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1974

Дорогие ребята! Вы много знаете о Великой Отечественной войне, которая обрушилась на нашу страну летом 1941 года. Вы читали книги о славных защитниках Родины, бойцах и командирах Советской Армии, партизанах, героически защищавших свою землю на фронтах войны с фашизмом и в тылу врага.

Вы видели много фильмов о войне и знаете, почему советские люди победили такого страшного врага, как фашизм.

Эта книга тоже о войне, хотя в ней нет описания боев. Ее написала женщина, которая была в годы Великой Отечественной войны маленькой девочкой и вместе со всем народом пережила все трудности военного времени.

Прочитав книжку, подумайте, что помогло нашей армии победить врага на фронте. Свои отзывы присылайте по адресу: Кемерово, 99, Ноградская, 5.

Кемеровское книжное издательство, редакция детской литературы.

Я 44 ————— 0762—28 —37—73
М145(03)—74

о нашей
войне
в письме
дедушке
15-1947
Ташкентской обл.

ВОЙНА

Городок наш находится за тысячи километров от линии фронта. Но война чувствуется и здесь. В магазинах пустые полки — это война. И то, что мама вместо положенных восьми часов работает в день по двенадцать, тоже война. И то, что мы сидим с братом целыми днями дома одни, мучимые голодом, — война. Страшная, непостижимая война врывается в наш тихий заснеженный городок горестным плачем женщин и детей, получивших с фронта похоронную. И в играх наших и в рисунках брата Женьки — тоже война. Сосредоточенно нахмутив белесые брови, Женька склонился над листом бумаги. Пушки, танки, военные корабли — чего только нет на рисунках брата. Рисует он здорово! Целые картины. Красочные, как живые. В сером небе стремительно летят легкие голубые истребители с красными звездочками на крыльях. А большие неуклюжие самолеты с черными крестами падают вниз, оставляя за собой столб красного пламени и черного дыма.

А вот пригорок. На нем какое-то невиданное орудие. Оно изрыгает дым и огонь, и снаряды сыплются из него как горох, на головы врагов. Фашисты бегут, кругом валяются убитые с задранными вверх ногами. У орудия стоят наши бойцы, а один немного в стороне от других, с поднятой вверх рукой — командир, наш папа. Он писал в письме с фронта,

что командует орудийным расчетом, а орудие его называется «Катюша».

Я тоже рисую. Но мои рисунки пестрят бабочками с человечьими лицами, уродливыми девочками в пестрых платьях с растопыренными пальцами на руках и с кособоками домиками. Никогда мне не научиться рисовать так, как умеет Женя. Но брат утешает меня, что я научусь, когда доживу до его лет. Мне пять, а Жене — семь с половиной.

Томительно долго тянется зимний день. Еще недавно жизнь нашу оживляли письма отца с фронта. С трепетом Женя брал белый треугольничек из рук почтальона. Нам казалось, что письмо пахнет порохом и сохраняет жар боя. Письма были короткие, написанные крупными размашистыми буквами. Но мама, придя с работы, много раз перечитывала их, а потом уже от себя пересказывала нам, как выдалась свободная минутка у папы, как отдыхает его большая умная катюша и рядом с ней — его товарищи-бойцы. Скоро снова бой, а папа думает о нас. И, торопливо вырвав листок из блокнота, пишет нам письмо. Между скупых строчек письма мама читала то, что не смог бы прочитать никто другой на свете. Она чувствовала и настроение отца, и исход боя, и еще много мелочей, дорогих для нее и нас.

Н Е Т П И С Е М

Несколько недель нет писем с фронта от папы. Напрасно мы с надеждой смотрим в окно. Почтальон опять и опять проходит мимо нашего дома. Мама, приходя с работы, с тревогой и ожиданием смотрит на нас. Она сразу узнает по нашим лицам, что писем нет, глаза ее тускнеют, и она кажется нам совсем усталой. Она садится, откинувшись на спинку стула, закрывает глаза и сидит так несколько минут, безвольно уронив на колени руки. Руки у мамы маленькие, но крепкие и ловкие. Они в мелких ссадинах, порезах, с черными ободками у ногтей от въевшегося машинного масла. Мама работает токарем в паровозном депо. Она вытачивает на станке детали для паровозов, которые ремонтируют в депо.

С утра до ночи каждый день отстаивает мама у своего станка. Вместо игрушек она приносит нам иногда с работы радужные витые стружки. Одни тоненькие и гибкие, другие — короткие и толстые. Я храню их в картонной коробке.

Вот и сегодня мама устало проводит рукой по волосам и с тревогой и ожиданием смотрит на нас.

Как хочется нам утешить ее, обрадовать чем-нибудь! Но мы смолкаем и прячем глаза от мамы, как будто виноваты в том, что с фронта нет писем. Утром, когда мы с Женькой еще спим, мама бесшумно одевается и уходит на работу, она оставляет нам на столе еду на весь день: несколько вареных картофелин в мундире, крошечных ломтиков липкого черного хлеба и бутылку молока. Вечером мама строго-настрого наказывает нам, чтобы мы растягивали это на весь день, а не съедали в один присест. Но мы обычно забываем предупреждение мамы и съедаем все сразу.

Дело идет к весне. За окном март. Днем вовсю капает с крыш. Мы весь день проводим у окна. На улицу выходить не в чем. Нечего надеть на ноги, нет ни ботинок, ни сапог, нет теплых пальто. Мама уже давно перешивает нам свои старые платья. Дырочки в них она искусно штопает, и их не видно.

Иногда к нам под окно прибегает соседский Ленька. Он напоминает огородное пугало. На его худых и грязных ногах огромные резиновые галоши. Широкие мужские брюки с отрезанными по Леньке штанинами подпоясаны веревкой. На голове у Леньки рваная шапка. На худых Ленькиных плечах болтается промазученная телогрейка. Она осталась от Ленькиного отца, который работал раньше на железной дороге и погиб в первый год войны.

Леньку мы любим и радуемся, когда он прибегает. Но ему холодно на улице под окном. Он смеется, кричит нам что-то, размахивая длинными рукавами телогрейки, поджимает то одну, то другую озябшую ногу. Вскоре он убегает домой. И снова мы остаемся одни, тоскуя по воле и лету.

РЫБАЛКА

Долго ли, коротко ли, но время идет. Дни становятся все длиннее и длиннее. Отшумел за окном апрель ручьями и хлопотливым гомоном птиц. Буйно пробивается молодая трава. Зеленой дымкой подернулись деревья. Теперь нас не удержать дома. Даже голод, кажется, мучает нас теперь меньше. Рядом лес. Мы собираемся целой ватагой и отправляемся туда. Оказывается, на нашей улице очень много ребяташек. Казалось бы, чем можно пожить в лесу весной? Но мы каким-то чутьем безошибочно угадываем, что съедобно, что нет. Все идет в ход: молодые побеги колбы, клейкие листочки боярышника, белые «свечки» сосны, корни саранки, кандыка.

Но вот выдался ненастный хмурый день. Опять сидим дома. Женя раздобыл где-то настоящий рыболовный крючок и теперь мастерит удочку. Возится долго и сердится, что я верчусь рядом и мешаю ему.

Наконец, удочка готова. Брату не терпится испытать ее в деле.

— Людашка, ты посиди немного одна, ладно? Ничего не трогай, не балуйся, не реви. Я сейчас,— говорит Женя, торопливо одевается и убегает.

Небо немного прояснилось. Дождь перестал. Я смотрю в окно, жду брата и от тоски пою песни. Моя любимая песня «На рейде морском». Когда я слушаю ее или пою сама, меня охватывает непонятное чувство. В нем радость и ожидание чего-то огромного и светлого, и в то же время мне хочется плакать. Но брат, убегая, сказал мне «не реви», и я не реву. Уже и петь не хочется. Я прижимаюсь носом к холодному стеклу и смотрю на улицу. И вдруг в конце улицы, там, где блестит серая гладь реки, появляется маленькая Женькина фигурка. Я вскакиваю на стул и радостно кричу: «Ура!» Плохо мне без брата! Женя мчится, как ветер. Он влетает в дом запыхавшийся, возбужденный. В одной руке удочка, а в другой — настоящая рыбка! Это ерш, колючий и скользкий, с огромным разинутым ртом.

— Ты нашел ее или тебе дали? — допытываюсь я.

— Скорей воды!— кричит Женя.

Я наливаю в глубокую миску воды. Женя опускает туда рыбешку, но она плавает на поверхности вверх животом.

— Ты знаешь, только закинул удочку, а нитку как дернет! Я как дернул — рыбина!

Мы смотрим и ждем, когда рыба шевельнется, переворачиваем ее вниз животом, но как только отпускаем пальцы, светлый живот рыбы снова оказывается вверху.

— Умерла,— говорю я горестно, поглаживая пальцем рыбешку.

Женя глубоко вздыхает.

— Если б живая была, мы бы ее кормили. Раскормили б во-от такую,— показываю я, разводя в стороны руки.

— Ничего,— утешает меня брат,— когда еще пойду рыбачить, возьму банку с водой, буду в банку рыб пускать. Никогда не умрут.

Когда мама приходит с работы, я бросаюсь к ней с криком: «Мама, мама, Женя рыбу поймал!». Мама подходит к столу и улыбается, снимая с головы платок. Она обнимает Женю, целует и говорит ласково:

— Кормилец ты мой!

Женька тоже улыбается, я громко смеюсь и хлопаю в ладоши. Вскоре на плите варится в алюминиевой кружке уха. Несколько кусочков картошки, кружочки лука и наша «рыбина». Ухи получилось полтарелки. Кажется, в жизни не ела я ничего вкусней. «Правда, Женя — кормилец»,— думаю я, засыпая.

ЕГОРОВНА И БРУСНИКА

В нашем доме две квартиры. В одной живем мы, а в другой соседка Егоровна. Она худая и сердитая. Мы не любим встречаться с нею. Мама ее тоже не очень любит. Хоть и не говорит нам ничего, но мы видим, что не любит. Да и за что ее любить? Егоровна может ни из-за чего так кричать и ругаться, что от нее на край света сбежишь, только бы не слушать ее крика. Живет Егоровна совсем одна. У нее разные

погребочки, кладовки, сарайчики, забитые всякой всячиной. Все это закрыто на замки и замочки, и Егоровна всегда носит при себе целую связку ключей. С утра до ночи она что-нибудь делает, копается во дворе, огороде. Все лето таскает из лесу ягоды и грибы. Солит, сушит, запасает. А зимой часто продает ягоды и грибы на базаре.

Сидим мы как-то с братом у окна и видим, как, надрываясь от тяжести, тащит Егоровна из погреба бочонок. Поставила она его возле сарая и накрыла тряпкой.

— Интересно,— говорит Женя,— что это у нее в бочке? Огурцы, наверное.

У меня от этих слов прямо слюнки потекли и в животе что-то запищало.

— Или грузди соленые,— продолжает брат.

— Давай посмотрим,— предлагаю я.

— Ага, Егоровна тебе как посмотрит палкой по шее, так голова и отвалится.

Я прикусила губу и замолчала. Мы увидели, как Егоровна направилась в огород и присела над грядкой, проворно выщипывая сорную траву. Это теперь надолго.

— Посмотрим!— почему-то шепотом сказал Женька.

Сдерживая дыхание, мы вышли из дому и на цыпочках подошли к бочонку. Отсюда совсем не видно ни Егоровны, ни ее огорода. Женя приподнял тряпку, прикрывающую бочонок, и мы застыли в изумлении. Бочонок был доверху наполнен яркими, будто только что сорванными ягодами брусники. Это в начале лета, когда в лесу еще только цветет самая ранняя ягода — земляника.

— Возьмем,— сказал Женя,— по одной горсточке. Это совсем незаметно.

Мы набрали по горсти ягод и отбежали за угол сарая. Сели на корточки съели ягоды. Глянули друг на друга и, не стовариваясь, снова побежали к бочонку. Опять набрали по горсти ягод и, спрятавшись за сараем, съели и их, как и в первый раз. Много раз мы перебежали так от сарайчика к бочонку и опять к сарайчику. Наконец, стало больно щипать язык, и мы почувствовали, что не сможем больше проглотить ни одной ягодки. Тут мы увидели, что Егоровна

направилась к дому. Мы опроретью бросились на крыльцо, закрыли за собой двери на крючок и через занавеску стали наблюдать за соседкой в окно.

Егоровна походила по двору. Потом неторопливо подошла к бочонку и сдернула с него тряпку. В тот же миг мы сквозь закрытое окно услышали ее крик и ругань, она обрушила на наши головы все проклятья, какие только знала.

— Откуда она узнала, что это мы?— шепотом спросил Женька. Я молчала, вся сжавшись в комок.

Стало темнеть.

— Я спать хочу,— сказал брат, зевая.

— Я тоже,— зевая, сказала и я.

Мы легли на кровать и замолчали. Спать совсем не хотелось. Мы все ждали, что придет Егоровна и начнет стучаться в нашу запертую дверь. Но было слышно, как она бреччала ведрами, носила воду. Потом она вдруг снова начала ругаться. А когда замолчала, мы услышали мамин голос.

— Почему вы думаете, что это обязательно мои дети? Вы посмотрите, здесь же, наверное, с полведра выбрано. Разве они столько съедят? А для того, чтобы украсть и спрятать, они еще слишком маленькие. И вообще, знаете, не пойманный — не вор! Мои дети, я уверена, ничего не возьмут без спросу. С голоду умрут, а не возьмут.

Что-то еще прокричала Егоровна, но мама не ответила и быстро взбежала на крыльцо. Женя бросился открывать ей дверь.

— Спали, маленькие,— с нежностью в голосе спросила она.

— Мамочка пришла!— завопила я во все горло. Мама зажгла керосиновую лампу и повернулась к нам. Ласковое выражение сразу исчезло с ее лица. Мама вдруг очень строгим голосом спросила:

— Вы сегодня брали у Егоровны бруснику?

— Нет. Какую бруснику?— спросил удивленно Женька.

— Нет,— сказала и я.— А она думает, что брали. И еще чертями обзывает. А не пойманный — не вор. Да, мама?

Мама вдруг страшно покраснела.

— Ах вы дряни!— закричала она.— Ну-ка посмотрите друг на друга!

Мы посмотрели и опустили глаза.

— Значит, вы не воры? А это что?

Мама показала на наши руки и лица. И только тут мы увидели, что все перемазаны ярким соком брусники.

— Вот что,— сказала сурово мама.— Не нужны мне дети воры. Идите сейчас же к Егоровне и просите у нее прощения. Скажите. «Простите нас, воров». Если она вас простит, то и я прощу. А если нет, уходите от меня, не хочу я вас больше знать.

Мама замолчала и отвернулась. А нам стало очень страшно. В полной тишине, сгорбившись, поплелись мы к Егоровне. Увидев нас, она даже рот приоткрыла от удивления.

— Бабушка,— опустив глаза, сказал Женя,— простите нас.

— Простите нас, воров,— сказала я.— Мы больше не будем воровать. Простите, а то мама нам велит уйти из дома куда глаза глядят.

Я не выдержала и заплакала. Егоровна стремительно налетела на нас, схватила нас за руки и потащила к маме.

— Не стыдно тебе?— напустилась она на маму.— Из-за какой-то несчастной ягоды душу детям вынать? Ишь ты, «куда глаза глядят»... А уйдут, тогда что запоешь? Ничего, полно реветь,— говорила старуха почти ласково, гладя меня шершавой рукой по голове.— Бабка старая, дурная. Нет чтоб самой угостить деток, они бы и не полезли в бочонок. А то, вишь, неприятности какие.

Ворча еще что-то, Егоровна ушла. Мама отмыла нас от вьевшегося в кожу сока брусники. А я в тот вечер дала себе слово, что если даже, как сказала мама, буду умирать с голоду, в жизни никогда не возьму ничего чужого.

СЧАСТЬЕ И НЕСЧАСТЬЕ

Воскресенье. Сегодня мама дома. Это счастье — проснуться утром и смотреть на маму, знать, что целый день она проведет с нами. Обязательно придумает что-нибудь интересное. И накормит чем-нибудь вкусным.

Я лежу в кровати и смотрю, как проворно снуют мамыны руки: она шьет что-то яркое-яркое. Оранжевое, как солнышко.

— Встала, доченька? Ну-ка, примерь.

Я вскакиваю с постели и бегу в одной рубашонке к маме по прохладному чисто вымытому полу. Мама надевает на меня обновку. Я смеюсь от счастья и кружусь. Платице вздувается вокруг меня колоколом. Мама подхватывает меня сильными руками и целует.

— Красавица ты моя!

Женька у нас засоня. Я почти всегда просыпаюсь раньше его. Мама ласково зовет:

— Женя, вставай!

Женька недовольно хмурится, чмокает во сне губами, но вдруг мигом просыпается и садится в постели.

— Мама, почему раньше не разбудила?

Воскресенье, когда мама дома, нам хочется растянуть как можно дольше. И мы просим маму будить нас по воскресеньям пораньше.

— Пойдем в лес,— объявляет нам мама.

— Ура!—вопим мы с братом.

Мы идем в лес за земляничкой. Вокруг стоит гул.

Стрекочут в траве кузнечики, на болоте пронзительно, прямо-таки человечьими голосами, кричат какие-то птицы. Воздух напоен дурманящим ароматом цветущего разнотравья.

А вот и наша земляничная поляна. Теперь за работу. Ягод много. Приподнимешь веточки, и перезревшие крупные земляничины сами падают на подставленную ладошку.

Солнце поднимается уже довольно высоко, когда мама говорит:

— Ну давайте отдохнем и — домой.

Мы садимся прямо на траву и ссыпаем ягоды в мамин бидончик.

У Жени почти полная банка, у меня меньше половины. Я тайком вздыхаю.

— Вот так мы, спасибо нам! — смеется мама.

У нас полный бидон земляники. Мама вынимает из кармана завернутый в бумагу хлеб. Три тонких ломтика. Мы сидим и едим землянику с хлебом. Вкусно!

— А что мы сегодня на обед сварим? — спрашивает мама у нас дома и хитро улыбается. — Никто не угадает.

Мы втроем идем в огород, и мама выдергивает с грядки несколько корней моркови и свеклы, пучок зеленого лука, веточки укропа. А потом осторожно подкапывая рукой землю у кустов картофеля, нащупывает в земле и отрывает с десятка полтора маленьких розовых картошечек размером с яичный желток.

— Суп-огород, суп-огород! — кричим мы и хлопаем в ладоши.

Моркови и свеклы еще нет. В руках у мамы только их листья с тонкими корешками-хвостиками. Сегодня мама сварит из этих листьев суп со свежей картошкой и зеленым луком. На второе будут картофельные оладьи, а на третье земляничный кисель. Прямо пир на весь мир.

После обеда к нам заглядывает Егоровна.

— Ох, дети, дети, — вздыхает она, — гляди за ними да гляди. Слыхала, — спрашивает Егоровна у мамы, — девчонка пяти лет в торфяной яме утонула?

— Нет. — У мамы испуганные глаза. — Когда?

— Вчера. Сегодня уже вытащили. Твой-то целыми днями без присмотра. Ты накажи им, чтоб к яме близко не подходили. Глубина там о-е-ей! — и, обернувшись к нам, Егоровна пугает, — там в воде выдра живет. Подойдете близко, схватит и утащит в воду.

— А какая она, выдра? — спрашивает Женька с загоревшимися от любопытства глазами.

— Да какая? Лохматая, как собака. А морда, как у лисы, хитрая.

Мы с мамой моем посуду. А брат убегает на улицу. Потом мы идем в огород полоть грядки.

— Где Женя? — с тревогой спрашивает мама. — Нет чтоб помочь, бегают где-то.

— Он с Ленькой бегал, я видела, — говорю я.

И в это время в нашу калитку, запыхавшись от быстрого бега, влетает Ленька.

— Теть Вер, — кричит он, подпрыгивая на месте, — ваш Женька наверно уже утонул!

Мама страшно бледнеет. Руки ее, перепачканные землей, безвольно опускаются. Мне кажется, что мама сейчас упадет.

— Где он?

— Там, в торфяной яме.

Мама срывается с места и бежит по улице так стремительно, что мы с Ленькой остаемся далеко позади.

Торфяная яма близко. Нужно пробежать два квартала, потом спуститься с пригорка вниз. Там начинается торфяное болото. Мы не любим туда ходить. На болоте водятся гадюки. Ягоды там летом никакой нет. Только осенью, к концу сентября, болото становится красным от созревшей клюквы.

Яму вырыли давно, года три назад, в засушливый год, когда на болоте не было воды. Жители ближних улиц резали ровными кубиками торф и сушили его на солнце для топки печей. Долго и жарко горит сухой торф. Но с тех пор лета стоят дождливые, и яма всегда почти до краев наполнена вязкой темно-коричневой водой.

Когда мы с Ленькой подбегаем к яме, Женька голый стоит возле мамы и, обхватив себя руками, прыгает то на одной, то на другой ноге и трясет головой, чтоб вытекла из ушей вода. Весь он, до макушки, мокрый и очень грязный. Голова его и все тело облеплены коричневыми торфинками.

— Ну как ты мог? Ну зачем ты? — спрашивает мама, чуть не плача.

— Да, а что она врет? — говорит хмуро Женька, сплывы-

вая коричневую слюну.— Выдра, выдра... Никакой выдры там нет. Я нырял, нырял...

Все очень просто. Он нырял и искал выдру, о которой рассказывала Егоровна. Вот только из ямы выбраться сам не мог. Стоило Женьке ухватиться за край ямы, как куски торфа обламывались и оставались в его руках. И он уже не по своей воле нырял. И так много раз, пока не прибежала мама и не вытащила Женьку.

ИЗОБРЕТАТЕЛИ

В последнее время мальчишки, Женя и Ленька, что-то много шепчутся. Часто, оставив меня одну во дворе, они закрываются в полутемном чулане и возятся там, тихонько переговариваются. Мне скучно и очень интересно, что такое скрывают мальчишки.

— Жень, открой,— тяну я у двери чулана,— я маме скажу, что ты со мной не играешь.

— Давай откроем,— зло говорит брат,— все равно эта рыжая не отстанет.

Я пропускаю мимо ушей оскорбление и жду, когда откроют дверь. Мальчишки открывают дверь и извлекают на белый свет странные вещи. В руках у Леньки старый зонтик его матери, а у Жени — широченная мамина юбка, которая называется клеш-солнце. У пояса юбка стянута бечевкой. По низу подола прорезаны дырки, и в них тоже продеты веревочки. Я разочарованно разглядываю все это и со злорадством в голосе говорю брату:

— Ну все, будет тебе от мамы.

Мальчишки сосредоточенно молчат. Они взбираются на самый конек крыши и враз прыгают. У Леньки в руках зонтик, на голову Женьки накинута мамина юбка. Я даже не успеваю ничего разглядеть, только понимаю, что парашюты не раскрылись. Слышу дикий вопль катающегося по земле Леньки. Женька стоит рядом и молча размазывает ладошкой по лицу кровь и грязь. Мне кажется, что сейчас оба они

умрут на моих глазах. Я ору что есть сил. На шум из дому выбегает Егоровна.

— Ах вы ироды, ироды!— кричит она.

Женька, путаясь в маминой юбке, улепетывает домой, а Ленька сидит на земле, поджав грязные ноги и сипло воет.

— Ну, чего ты душу выматываешь?— кричит на него Егоровна со слезой в голосе. Она пытается прикоснуться к Ленькиной руке, но тот снова испускает дикий вопль.

— Рука, ой рука!— ревет Ленька.

Егоровна вытирает передником чумазое заплаканное Ленькино лицо, поднимает его и, закрыв дверь на замок, уходит с Ленькой куда-то.

Мама, придя с работы, горестно вздыхает, глядя на распухший Женькин нос и на испорченную юбку. Она не ругается. Садится, устало вытянув ноги в заштопанных чулках и старых туфлях. Женька, целый день ждавший грозы, тихонько подходит к маме и, уткнувшись носом в мамино плечо, вдруг раздражается бурными рыданиями. Мама ничего не спрашивает, не утешает. Она склоняет лицо к давно не стриженной макушке Женьки и беззвучно плачет. А я сижу напротив них в углу на полу и изо всех сил стараюсь не зареветь. Но не могу сдержаться из-за острой жалости к себе, Женьке, маме. Слезы щиплют веки, нос, ползут по моим щекам и капают на платье, оставляя темные мокрые пятна.

Мама поднимается, берет нас за руки, ведет к умывальнику. Моет нам холодной водой лица, ополаскивает свое лицо. Молча ужинаем, молча ложимся в постель.

— Спите, маленькие,— говорит мама, целуя нас. И я чувствую себя и вправду маленькой-маленькой, совсем невесомой. Потом кровать начинает покачиваться из стороны в сторону, плавно кружиться, и все проваливается куда-то в бездну.

ПИСЬМО

Просьпаюсь я, когда мамы, как всегда, уже нет дома. На столе завтрак и обед для нас с Женькой. Солнце уже заливает комнату. Брат спит, посапывая распухшим носом. Я, тихонько ступая по чисто вымытым доскам пола, выхожу на улицу. Сажусь на лавочку у калитки и долго неподвижно сижу. Почтальон идет по улице. Я не обращаю на него внимания. Мы уже давно не ждем писем. И вдруг он сворачивает к нашему дому. Письмо! Я вбегаю в комнату, где спит Женька.

— Письмо!— кричу я что есть сил. Женька смотрит на меня полусонными глазами и тут же срывается с постели.

— Письмо!— вопит он нечеловеческим голосом. Хватает подушку и швыряет в меня. Я отвечаю ему тем же. Мы прыгаем по кровати, тузим друг друга кулаками и орем, как сто чертей. В дверях вырастает неподвижная фигура Егоровны. Она не кричит, а только медленно качает головой. Мы застываем с раскрытыми ртами.

— Эх, вы! Мать встала чуть свет, прибрала все, помыла. До ночи на работе толкется. А вы... Ишь чего натворили. Нету в вас совести.

Я чувствую, как жар заливает мое лицо.

— Письмо,— говорю я хрипло, протягивая Егоровне конверт.

— Письмо? От отца, должно. Ну слава богу, дождались. Положите его на стол, а то на радостях, чего доброго, в клочки издерете. Да приберите в избе-то. Матери без вас делов хватает.

Егоровна удаляется. Мы с братом принимаемся за уборку. Застилаем постели, расставляем стулья. Я подметаю пол, крыльцо и даже двор. Чувствую страшный прилив голода. Мы молниеносно съедаем «завтрак»— по кусочку хлеба, картофелинке и стакану киселя. Кажется, что есть хочется еще сильнее. На столе стоит «обед»: два кусочка хлеба, четыре картофелины и бутылка молока. Я не отрываясь смотрю на «обед» и глотаю слюну, думая, что мама строго-на-

строго запрещает нам прикасаться утром к обеденной порции. Мы стараемся честно выполнять ее наказ. Но сейчас Женька не отходит от стола.

— Давай,— предлагает он,— съедем хлеб. На обед и картошки с молоком хватит.

— Конечно, хватит,— говорю я.

Мы съедаем хлеб. Потом по одной картофелине, потом еще по одной. И, наконец, запиваем молоком. В бутылке остается на самом доньшке, не больше полстакана.

— Фу, теперь я до самой ночи не захочу есть,— отдувается Женька.

— А я могу три дня не есть!

— А я десять дней.

— А я — миллион.

— А я сиксиллион,— кричит Женька.

После этой загадочной цифры я замолкаю, так как ничего не могу придумать более огромного. Мы выбегаем на улицу, ощущая в желудках приятную тяжесть. Но проходит час-другой. Время идет к обеду, и я снова чувствую сильный голод. У брата тоже падает настроение. Мы идем домой, выпиваем по глотку молока. Заглядываем в стол, в шкафчик с посудой. Нигде ничего нет. Только соль в солонке. Женя кладет в рот серый кристаллик соли и сосет.

— Попробуй,— говорит он.— Совсем теперь есть неохота. Я пробую и выплевываю соль. Противно. И еще сильнее хочется есть.

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

В это время за окном раздается крик: «Женька-а!». Мы выбегаем на крыльцо. Во дворе стоит Ленька. Одна рука у него до локтя забинтована и в согнутом положении подвешена на груди.

— Ты че?— спрашивает Женя, удивленно тараща глаза.

— Че, че?— передразнивает Ленька, сплевывая через дырку на месте выпавшего зуба.— Руку сломал, вот че. Врач хотел совсем отрезать, потом оставил.

Я в ужасе прикусываю губу и сажусь на траву, глядя на Леньку.

— Вот, нате,— говорит Ленька и протягивает нам горсть сухарей.

Мы подлетаем к нему.

— Где взял?— спрашивает Женя.

— Заработал,— отвечает солидно Ленька.— На военной солдаты дали.

— Ты побирался?— спрашиваю я Леньку и грызу сухарь.

— Дура!— говорит обиженно Ленька и больше не обращает на меня внимания.

— Слушай, у меня сейчас рука болит,— обращается он к Жене,— пойдем со мной. Помогать будешь. Нажремся, во!— Ленька проводит рукой по подбородку.— Ты на руках ходить умеешь?

— Нет,— говорит Женька.

— Плохо,— вздыхает Ленька.— Эх, если бы не рука... А что ты умеешь?

— Ну как, что?— спрашивает Женя, беспомощно оглядываясь на меня.

— Ну, понимаешь,— говорит Ленька с видом опытного человека,— я хожу на воинскую. Перед солдатами выступаю, как артист. Песни пою, на руках хожу. Они и дают все. Раненые едут домой или из дома там. Каждый день целые поезда. Знаешь, как дают? Во! Сам наемся и мамке еще приношу.

Мать у Леньки лежит больная. От голода у нее распухли ноги. Она совсем не встает. Еще у Леньки есть три сестры. Старшая работает в детсаду, средняя у соседей в няньках живет, а маленькая Валя с матерью дома. Ей три года, но она не ходит. Когда зайдешь к ним, Валя пытается поднять голову от грязной подушки и не может. У нее такая тонкая шея, что кажется: поднимет она голову, и шея переломится. Мне делается страшно, и я убегаю от них.

И вот мы идем на воинскую площадку. Так называется платформа, где останавливаются поезда с солдатами. Мы часто бегаем на воинскую. Тайком, не сговариваясь, ищем

глазами отца. Столько военных едет мимо нас каждый день! Очень ведь может быть, что поедет в вагоне и отец. Я не помню его. Мне было всего десять месяцев, когда отца взяли в армию, оттуда направили в военное училище. А из училища он лейтенантом ушел на фронт. Сейчас он капитан. У него уже два ранения, один орден и две медали. Я не помню его, но часто разглядываю фотографию, которую он прислал с фронта. И каждый раз, когда мы бежим на воинскую площадку, я втайне надеюсь, что увижу отца в окне вагона и крикну: «Папа!», и он узнает меня, подхватит на руки и поднимет высоко-высоко над головой.

— Провозишься теперь с этой рукой,— ворчит Ленка.— С одной много не поработаешь. Петь придется. Ты петь-то хоть умеешь?— спрашивает он Женьку.

— Не знаю,— краснеет Женька, хотя поет он часто и много. И мама говорит, что у него просто талант.

— Пой!— командует Ленка.

— Где, здесь?— пугается Женька.

— А че, тебе сцену подать? Пой!

Мы останавливаемся, и Женя заводит вполголоса какую-то песню. Ленка слушает, морщит лоб и говорит:

— Ладно, пойдет. Только голос у тебя какой-то писклявый. Ну, ничего. Только ты громче пой.

Проходим шага два-три, и Ленка останавливается.

— Ну-ка ты,— кивает он мне.

От волнения у меня перехватывает дыхание.

— Я стихотворение знаю,— говорю я.

— Давай!— с серьезным видом командует Ленка.

«— Бедный маленький верблюду...»— начинаю я.

Но Ленка вдруг откидывает голову назад, хохочет и кричит, кривляясь: «Люда-блюда, съешь верблюда!»

На глазах у меня выступают слезы. Женя сжав кулаки, подскакивает к Ленке и кричит звонким голосом:

— Ну, ты!

— Да я ниче,— отступает Ленка.— Пошли!

Вот и воинская площадка. Стоит эшелон. Открыты двери теплушек. Солдаты лежат, бегут по перрону с котелками за кипятком.

554

ЖД

Ленька проходит раз-другой мимо вагонов. Потом останавливается перед одним вагоном, где особенно много солдат сидит в дверях, свесив вниз ноги.

— Товарищи бойцы! Сейчас мы для вас покажем концерт,— кричит громко Ленька.

Мне становится страшно стыдно. Я прячусь за спину брата и вижу Женькин затылок и красные, как лепестки мака, уши. И слышу, как Ленька фальшиво поет, вернее, говорит нараспев какие-то веселые фронтовые частушки. Потом затягивает «серьезную» песню: «Кавой-та, кавой-та из нас не станет. Кавой-то поезд увезет...». Допев до конца, Ленька замолкает, оглядываясь на нас. Бойцы подмигивают друг другу, подталкивают, хмыкают и, не выдерживая, громко смеются.

— А щас вот он,— объявляет Ленька и токает Женю рукой в бок.

Бойцы стихают. Женька молчит, опустив голову. Лицо его пылает, пальцами босой ноги он ковыряет асфальт перрона.

Мне кажется, что он сейчас заплачет. Кругом тишина. Ждут, улыбаясь, бойцы. И вдруг Женя поднимает голову, откидывает ее назад. Сжимает за спиной руки в кулаки и запеваает звонко-звонко, так, что слышно, наверно, на самом дальнем краю платформы.

— Орленок, орленок, взлети выше солнца
и степи с высот огляди...

И мгновенно меняются лица солдат. Кто-то опустил руку с самокруткой, не донеся ее до рта, кто-то поднялся на ноги, чтоб лучше видеть и слышать.

— ...Навеки умолкли веселые хлопцы...

Звенит над притихшей платформой голос моего брата. И я вижу, как стекаются к нам со всех сторон солдаты. Идут на костылях раненые. Подходят с котелками те, что бежали за кипятком. Вокруг нас плотное кольцо людей.

Женька допел песню и замолчал и смотрит вокруг смелыми блестящими глазами.

— Давай, сынок, еще!— просит кто-то. И Женька запеваает новую.

На опушке леса старый дуб стоит,
А под этим дубом партизан лежит.
Он лежит, не дышит. Он как будто спит.
Золотые кудри ветер шевелит...

Женька поет и поет одну песню за другой. Наконец, умолкает. Я слышу вокруг одобрительные слова. Все хвалят брата. А один пожилой солдат, с рукой на перевязи, совсем как у Ленки, опускается на корточки передо мной.

— Ну, а ты тоже с концертом?— спрашивает он.

— Я не умею песни,— говорю я хриплым голосом,— я стихотворенья...

— Ну, давай стихотворенья,— улыбается солдат. Все вокруг тоже улыбаются. И я, осмелев, рассказываю про бедного маленького верблюда и о том, как уронили на пол мишку и оторвали ему лапу, и о Тане, которая уронила в речку мячик и потому горько плачет. Все смеются и хлопают в ладоши, задние продвигаются ближе. Кто-то сует мне в руку большой кусок сахара с налипшими крошками сухарей. А солдат с перевязанной рукой вздыхает, гладит меня по голове и осторожно, боясь уколоть щетиной, целует в щеку.

Потом звучит какая-то команда, и бойцы начинают расходиться по вагонам. Мы стоим и смотрим на них. На душе и радостно и грустно. Пожилой боец из «нашего» вагона зовет нас к себе. Втроем мы подходим к дверям вагона. Солдат выгребает из вещмешка несколько кусков сахара и сухари. Он пытается завернуть все в обрывок газеты, но другой боец протягивает чистую заштопанную нижнюю рубаху. Завязывает рукава и воротник рубахи, и получается короткий широкий мешок. Бойцы торопливо выгребают из своих вещмешков сухари, куски сахара и крошки от сухарей и сыпают все в мешок-рубаху. Один, молодой, спрыгивает на платоформу и протягивает набитую всяким добром рубаху Женьке.

— Это тебе!..

Женька краснеет.

— Не надо. Я так пел, не за сухари...

— И мы тебе так, не за песни. За твои песни, брат, сухарями не считаешься. Спасибо тебе! Бывай здоров!

Состав медленно трогается, и молоденький боец уже на ходу заскакивает в вагон.

Мы стоим втроем на платформе. У наших ног лежит раздутый мешок-рубаху. А мимо проплывает состав, и в раскрытых дверях вагонов добрые улыбающиеся лица. Бойцы машут руками. Нам машут!

Мы идем домой. Я бегу впереди и часто оглядываюсь на мальчишек. А они едва тащат вдвоем мешок-рубаху. Мы подходим к дому. Дверь открыта. Мама дома!

Вбегаю и бросаюсь к маме. Щеки мамы горят румянцем. Мама, кажется, помолодела на сто лет.

— Мама, вот!— кричу я и разжимаю руку. На потной ладонке большой влажный кусок сахара с налипшими крошками сухарей.

— Это я заработала, сама!— кричу я. — А Женя заработал знаешь сколько? Полную мешок-рубаху.

Мама ничего не понимает, но тут входят мальчишки и втаскивают мешок. Мы рассказываем маме, перебивая друг друга, как мы давали концерт. И мама не сердится, а смеется говорит:

— Милые вы мои воробышки. Ну ладно... Только не надо больше концертов давать. Хорошо?

Мама свертывает из газеты большой пакет и, насыпав его доверху сухарями, протягивает Ленке. Ленка спешит домой.

— Деточки,— улыбается мама,— живой наш папа, нашелся!

Мы вспоминаем про письмо.

— Читай, мама, читай!

И мама читает. Письмо пишет не папа, а чужая тетенька, санитарка, которая ухаживает за нашим папой в госпитале. В бою погибли боевые товарищи отца. Взрывом повредило орудие, а его самого отбросило далеко в сторону, контузило и ранило осколками. Несколько месяцев папа был между жизнью и смертью. Но теперь ему лучше. Он будет жить. И приедет к нам, как только совсем поправится. За этот последний бой папе присвоено звание майора, и он награжден вторым орденом.

Мы кричим: «Ура!», обнимаем и целуем маму. А потом сидим за столом и едим сухарную кашу: размоченные в теплой воде сухари с сахаром. Кажется, в жизни не ели мы ничего более вкусного. Какой сегодня счастливый день!

Мы уже собираемся ложиться спать, когда тихо входит Ленька. Он привычно садится на пороге и говорит:

— А у нас Валька померла.

Мама охает, накидывает на голову платок и убегает к Ленькиной матери. Умерла Валя, Ленькина сестренка с большими грустными глазами и тонкой-тонкой шеей. На другой день ее похоронили, а Ленькину мать увезли в больницу. Ленька стал пропадать у нас днями и ночами.

ОПЯТЬ ПИСЬМО

Быстро пролетело лето. Осень на дворе. Мама хлопочет в огороде. Копаем и ссыпаяем в подполье картошку. Солим капусту. Убираем свеклу и морковь. Нужно, чтобы всего было много: ведь скоро должен приехать папа. Ему нужно хорошо питаться, отдыхать и поправляться. Так говорит мама, так думаем и мы. Теперь нам письма пишет он сам. Письма приходят из Москвы. Туда самолетом отправили папу из прифронтового госпиталя. А сопровождала его та молоденькая санитарка, которая раньше писала нам письма за папу. Зовут ее Наташа. Теперь, когда мама пишет письма папе, она всегда передает привет и Наташе.

Наступает зима со снегопадами и холодом. Женя ходит в школу. Мама на работе. А мне тоскливыми и бесконечно долгими кажутся часы ожидания брата. Женька стал другим. Ужасно зазнается, что учится в школе. Без конца говорит мне: «Не мешай делать уроки. Вот пойдешь в школу, узнаешь, сколько там задают!»

Ленькину маму выписали из больницы. Она теперь работает в депо. Ленька учится с Женькой в одном классе, хоть и старше его на год. Теперь мама ждет от папы письмо, в котором он должен написать, что выезжает домой. Больше полугода он пролежал в госпитале, и сам писал,

что уже совсем здоров. И вот письмо. Мама пришла с работы румяная, свежая. Я подбегаю к ней с письмом.

— Наверно, едет!— кричу я.

Мама тут же с улыбкой разворачивает треугольник письма, начинает читать, и улыбка медленно сходит с лица. Не отрываясь от письма, она нашаривает рукой стул и медленно опускается на него. Я еще не знаю, что в письме, но мне делается страшно. У меня холодеет живот и бегут мурашки по ногам к подошвам. Я все смотрю, смотрю на маму. И вдруг вскрикиваю и заливаюсь слезами.

— Он умер!— кричу я, леденея от собственных слов.

Мама встает, берет меня рукой за плечо и вдруг беззвучно падает на пол. Мне страшно. Пламя коптилки мечется из стороны в сторону. Мне кажется, что мама умерла. Нет Женьки. Он допоздна катается с Ленкой с горы. Я кричу так, что из носа начинает течь кровь. Мама тихо начинает стонать и садится, упираясь в пол дрожащими руками. Я зажимаю рот, стараясь не кричать.

— Не плачь,— говорит мама с усилием,— не плачь. Он не умер, доченька. Он живой, живой.

И вдруг закрывает лицо руками, и плечи ее трясутся. Слезы душат ее. А я не плачу. С недоумением я смотрю на маму. Если папа живой, тогда все хорошо. Почему же она плачет?

Прибегает с мороза Женька. И, словно его толкнули в грудь, застывает на пороге, глядя на маму. Потом обходит ее. Осторожно берет со стола распечатанное письмо и, сморщив лоб и нахмутив светлые брови, долго шевелит губами.

Потом вдруг комкает письмо, в ярости швыряет его на пол, топчет и пронзительно кричит на маму. Да, наш Женька, маленький Женька, проказник, задира и мамин любимец, впервые кричит на маму:

— Встань, мама! Встань сейчас же! Зачем ты плачешь? Не видели мы этого папу! На черта нам этот папа нужен! Он хуже предателя, хуже Гитлера!.. Пусть он сдохнет! (В это время мне кажется, что на голову брата обрушится потолок или произойдет еще что-нибудь ужасное). Пусть

он подавится своей чертовой Наташей!— кричит в истерике Женька.

И только позже я узнаю, что в письме этом отец написал маме, как привык он к Наташе и полюбил ее. Что он не представляет себе жизни без нее. Он просит маму простить его, что он женился на Наташе и они остаются жить в Москве. Детей, это нас с Женькой, он никогда не забудет и будет помогать нам деньгами.

Мама заболела. Как будто надломилось в ней что-то. Она постарела сразу на несколько лет. Тонкие морщинки легли на ее лицо. Стали мелко дрожать руки. А маме было в то время только двадцать семь лет. Она не могла ходить на работу. Целыми днями лежала на кровати безучастная к нам и ко всему в мире.

Приходил врач. Потом приходили с маминой работы две тети. И одна, одеваясь в кухне, вздохнув, сказала тихо: «Когда мне похоронку на мужа принесли, я легче перенесла». А другая ответила тихо: «Да уж лучше бы похоронку».

Я пришла к маме, села возле нее на стуле и сказала, вздохнув: «Лучше бы на папу похоронку принесли». Мама отвернулась, закусила губу, и из глаз ее побежали одна за другой слезинки.

ЖЕНЯ И ЕГОРОВНА

Мама лежит в постели уже больше месяца. Все заботы легли на слабые Женины плечи. Он сам носит воду, ходит за хлебом и молоком, колет дрова, топит печь и варит картошку. И часто подолгу, не мигая, печально смотрит на пляшущие по поленьям язычки пламени. Но никогда ни на что не жалуется. Наоборот, как может, утешает маму. Читает книжки. И фантазирует по вечерам. Долго стругает лучинки, делает стрелы и лук. И рассказывает мне, что сделает тонкие, гибкие стрелы с золотыми наконечниками и сбежит на войну. Как только мама поправится. Выстрелит в фашиста такой стрелой, немец от нее помчится, а стрела за ним. Немец свернет в сторону, а стрела за ним. Враг за

дерево спрячется, а стрела — за ним и все равно догонит и прямо в сердце вонзится. Наделает Женька миллион стрел, сбежит на фронт и перебьет всех врагов. Кончится война, и жизнь будет опять хорошая-хорошая. И мама купит в магазине целый килограмм ореховой халвы. Женя ел ее перед войной. Ничего нет в мир вкуснее. Он теперь не будет есть, а всю мне отдаст. Потому что он ел халву, а я — нет.

В последнее время к нам зачастила Егоровна. Раньше она никогда не жаловалась на одиночество. А теперь говорит, что ей скучно сидеть дома одной. Почти все вечера просиживает у нас. И приходит обычно не с пустыми руками. То огурчиков принесет или грибков соленых, то рыбу, вымененную на рынке за картошку.

— Поешь соленьенького,— уговаривает она маму,— от соли всякая хворь проходит. У меня покойник, царство ему небесное, как выпьет, бывало, лишнего, уж так, сердешный, головой наутро мается. А поест соленьенького, и всю бо-лесть как рукой снимет.

— Зачем вы, Егоровна? Не нужно, спасибо,— слабым голосом говорит мама,— мне с вами и рассчитаться-то нечем.

— Какой там расчет,— сердится Егоровна.— У меня все свое, не покупное. Ты с ребятами ешь да сил набирайся. Я тут вот у печки сяду и вязать буду.

Егоровна садится на низкую скамейку, прислоняется спиной к теплой печке. Вынимает спицы и начинает вязать. В грубых заскорузлых ее руках проворно снуют спицы.

— Бабушка, что это вы вяжете?— спрашиваю я.

— Носки сынам вяжу,— сурово отвечает старуха.

— А у вас разве есть сыны?

— Есть. Тыщи сынов, которые на фронте воюют.

— Новой пряжи сейчас днем с огнем не сыщешь,— об-ращается Егоровна к маме.— Так бабы собирают по дворам старые шерстяные вещи. Распускают и вяжут носки, рука-вицы. К новому году бойцам подарки готовим. Я вот тоже шаль свою старую распустила. Пары три хороших носков выйдет.

— Сейчас наши на Западе,— говорит мама,— там боль-ших морозов не бывает.

— Ну так что,— ворчит Егоровна,— зима — она везде зима.

— У меня джемпер есть,— говорит мама,— хороший еще, только на локтях потерся немного. Возьмите.

— А чего мне его брать? Учись сама вязать. Наука неумудренная, а в жизни пригодится.

В выходной день приходит Егоровна и привычно садится у печки. Немного погодя заходит Ленька с матерью. Тетя Маруся (так зовем мы Ленькину маму) садится на стул около маминой кровати и вынимает вязанье. Мама тоже полусидит, откинувшись на подушки, и тонкими пальцами неумело перебирает спицами. Все молчат. Только Егоровна говорит неторопливо:

— Вязанье — очень полезное дело. От него нервы успокаиваются. Психовать меньше будешь.

Мама слабо улыбается.

— Да хоть и не псих,— продолжает старуха,— а когда вяжешь, на душе покойно делается, легко...

— А пропади ты пропадом,— ругается вдруг она.— Петлю где-то потеряла.

Мы дружно смеемся.

ДЕД МОРОЗ

Перед Новым годом мама встала с кровати и робко прошлась по комнате, слабо улыбаясь нам посветлевшими глазами. Мы с братом ждали Деда Мороза. Каждый год Дед Мороз приходил и умудрялся как-то в трудное военное время приносить кульки с орехами, печеньем и конфетами. И обязательно по игрушке в каждой кулке. В прошлом году он принес Жене игрушечный пистолет, а мне — плюшевого зайца. И всегда под окном на рыхлом снегу от окна до тропинки были отчетливо видны огромные диковинные следы Деда Мороза. Но сколько мы ни караулили, никак нам не удавалось увидеть Деда Мороза. И всегда оставалось тайной, как он ухитрялся через закрытое окно положить на подоконник подарки. В предпраздничный день ма-

ма, еще слабая после болезни, пошла в магазин. Она вернулась и попросила нас сходить к соседке за молоком.

— Сейчас я сбегаяю,— вызвался с охотой Женя.

— Сходи с Людой,— попросила мама,— тепло, пусть прогуляется, а то все дома и дома.

Мы пошли. Соседки дома не оказалось, и мы сразу же вернулись домой. Вошли в калитку и остановились в недоумении. На дорожке, спиной к нам, стояла мама и, надев на длинную палку большую старую корзину, осторожно в шахматном порядке переставляла корзину с места на место. Дальше, дальше, от дорожки до окна.

— Мама, что ты делаешь?— крикнул Женя.

Мама вздрогнула, выронила палку с корзиной, оглянулась на нас и вдруг села прямо на снег и громко засмеялась. Мы подбежали и все поняли. От дорожки до окна дома на рыхлом снегу ясно отпечатались «следы Деда Мороза» величиною с дно большой старой корзины.

— Так значит, это ты, всегда ты?— растерянно улыбаясь, спросил у мамы Женька. А мама хохотала, раскрасневшаяся, поздоровевшая, сидела на снегу и громко хохотала, вытирая выступившие от смеха слезы.

— Дед Мороз, наш Дед Мороз!— закричала я, обнимая маму.

Мама поднялась, мы принялись отряхивать с нее снег и, веселые, направились к дому. Я бросилась к окошку. На подоконнике лежали два пакета с конфетами и пряниками, в Женькином — шерстяные варежки. А рядом с моим — пушистая белая шапка с длинными ушами.

— Нет,— закричала я,— все равно Дед Мороз есть! Он не ходит по земле и не оставляет следов. Он летает по воздуху, как ветер. И он — волшебник. Ведь никто не знал, как хочу я такую шапку. А он волшебник, он узнал и принес.

— Конечно,— сказал Женька, и они обменялись с мамой улыбками.

ПОБЕДА

Прошла эта зима. Мама уже давно совсем поправилась и снова работала. А Женька по вечерам все делал свои стрелы и собирался бежать на фронт, когда закончится учебный год. Но учебный год еще не кончился, когда в комнату, прямо среди бела дня ворвалась наша мама и, смеющаяся, подхватив нас сразу обоих, закурилась по комнате.

— Милые мои, родненькие, победа! Кончилась война! Победа!

Мы ждали этого дня. Знали, что он близок. Но сейчас весть о победе показалась такой неожиданной, переполнила наши сердца счастьем, радостью, восторгом. Дом наш не мог вместить эту радость. Мама переоделась в свое лучшее, сохранившееся с довоенного времени платье. А мы с Женькой выскочили из дома на крыльцо. С городской площади доносились звуки праздничных маршей, гремевших из громкоговорителя.

Мы помчались на площадь. Со всех улиц сюда спешил народ. Чужие, незнакомые люди обнимались, смеялись и плакали. Под звуки старенькой гармошки плясали девушки. Всюду носились возбужденные вездесущие мальчишки. А репродуктор взволнованным, торжественным голосом говорил о самом великом и долгожданном событии — победе нашего народа над злым и жестоким врагом.

Шла весна сорок пятого года. Высыхали последние лужи. Солнце щедро заливало счастливую землю. Птицы по утрам устраивали настоящие концерты. Пробивалась зеленая молодая трава. И время залечивало раны, нанесенные войной.

Мы часто бегали с Женькой на воинскую площадку. С запада шли и шли эшелоны с солдатами, которые возвращались к мирному труду. Не пригодились Женькины стрелы. Кончилась война.

72851

Тайгиская

ГОРКА

Библиотека

О Г Л А В Л Е Н И Е

ВОЙНА	3
НЕТ ПИСЕМ	5
РЫБАЛКА	8
ЕГОРОВНА И БРУСНИКА	10
СЧАСТЬЕ И НЕСЧАСТЬЕ	15
ИЗОБРЕТАТЕЛИ	19
ПИСЬМО	22
СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ	23
ОПЯТЬ ПИСЬМО	31
ЖЕНЯ И ЕГОРОВНА	33
ДЕД МОРОЗ	36
ПОБЕДА	39

Людмила Михайловна ЯКОВЛЕВА

Повесть

ЗОЛОТЫЕ СТРЕЛЫ

Для детей младшего возраста

Оформление художника **В. Беляева**

Редактор **Л. В. Глебова**, художественный редактор **Г. И. Кравцов**, технический редактор **Г. В. Адова**, корректор **Е. И. Тимошук**.

Сдано в набор 16. I. 1974 г. Подписано к печати 30. VII. 1974 г. Формат 70×90^{1/16} Бумага офсетная № 1
Усл. печ. л. 2,93. Уч.-изд. л. 3,14. Тираж 100 000 экз. Заказ 716. Цена 23 коп. Кемеровское книжное
издательство. Кемерово. Ноградская, 5. Кемеровский полиграфкомбинат. Кемерово. Ноградская, 5

Цена 24 коп.

